

Вновь увидев иностранного судью, Ли Сянфу невольно прищурился.

— Босс, — негромко произнес тот, слегка кивнув. В его поведении не осталось и следа привычного дружелюбия и разговорчивости; он лишь напомнил, что им уже пора отправляться в путь.

— Похоже, я упущу возможность стать свидетелем рождения этой картины, — заметил Цинь Цзинь.

Ли Сянфу негромко рассмеялся:

— Полюбоваться готовой работой будет ничуть не хуже.

После этого он полностью сосредоточился на мольберте. Лишь когда шуршание шин, катившихся по мелкому гравию, затихло вдали, он понял, что Цинь Цзинь уехал.

Под влиянием нахлынувших мыслей, уже завершая картину, Ли Сянфу добавил темных тонов для плавного перехода цвета. И озерная гладь, прежде напоминавшая зеркало из чистой бирюзы, благодаря всего нескольким легким штрихам мгновенно преобразилась — казалось, в самой глубине затаились коварные, мятежные волны.

Собственными руками резко изменив настроение картины, Ли Сянфу долго всматривался в нее. Перед тем как достать телефон, он помедлил секунду, но в итоге все же набрал номер Ли Шаша.

— Алло, — отозвался Ли Шаша. Он как раз пересобираал робота и включил громкую связь, отчего его голос звучал как-то отдаленно и неразборчиво.

По сравнению с ним голос Ли Сянфу звучал подчеркнуто серьезно:

— Кто твоя мать?

— ...

Отодвинув робота в сторону, Ли Шаша взял телефон в руку:

— Папа, это намек?

Ли Сянфу не дал увести себя от темы и ответил строго по делу:

— Мы оба прекрасно знаем, что ничто не возникает из ниоткуда.

Будь то картина перед глазами или любая травинка вокруг — у всего должен быть исток. Прежде он не расспрашивал об этом, поскольку при привязке подписал соглашение о неразглашении, запрещавшее совать нос в подобные вещи во время выполнения заданий.

Когда миссия была завершена и Система вернулась вместе с ним, Ли Сянфу уже начал воспринимать ее как обычного человека, намеренно закрывая глаза на более глубокие вопросы.

Ответа долго не было, но Ли Сянфу не торопил. Лишь когда краски на холсте почти высохли, Ли Шаша наконец снова заговорил:

— Наука и технологии.

Научно-технический прогресс — главная производительная сила.

— ...

— Я отношусь к запрещенным технологиям, — продолжил Ли Шаша. — Меня приказали уничтожить, но сотрудники поленились и просто выбросили в открытый космос. Это как на определенном этапе развития человечества, когда люди верили в очищающую силу океана и сбрасывали туда отходы. Судя по моей категории, сейчас я — космический мусор.

— ...Чтобы выжить, мне нужно было действовать согласно заложенной программе: найти носителя, а затем через него выполнять задания, получая взамен энергию. Проще говоря, добывать себе пропитание.

Ли Сяньфу нахмурился:

— Помимо тебя, существует ли еще какой-нибудь космический мусор?

— Думаю, да, — ответил Ли Шаша. — В этом мире никогда не было недостатка в безумных ученых.

Услышав это, Ли Сяньфу промолчал.

Понимая его тревогу, Ли Шаша уверенно добавил:

— Папа, я уникален, штучный экземпляр. У каждого ученого свои идеи. Даже если и существует другой космический мусор, их возможности наверняка ограничены чем-то одним — например, предсказанием будущего или портативным пространством.

У Ли Сяньфу дрогнуло веко.

— Насколько я помню, ты силен только в теории.

— Поэтому только я могу учить тебя жизни.

— ...

Почти все утро Ли Сяньфу провел у озера, рисуя под легким дуновением ветра.

За это время ему позвонили из полиции. Офицер сообщил, что на основе показаний подозреваемого было проведено тщательное расследование, но никаких писем с указаниями обнаружить не удалось. Ли Сяньфу не особо расстроился из-за этой новости.

Цинь Цзинь уже предупреждал его о подобном исходе. По сути, действия Чэнь Жань были лишь намеренной попыткой пустить полицию по ложному следу.

Цинь Цзяюй умела бить по больному. Сделав заложником общего ребенка Ши Чэня и Чэнь Жань, она заставила последнюю беспрекословно себе подчиняться.

Ли Сяньфу долго сидел с опущенными веками, погруженный в свои мысли, когда позади него вдруг раздался автомобильный гудок.

Он обернулся и, увидев Цинь Цзиня, невольно поднялся и удивленно приподнял брови:

— Так быстро закончилось совещание?

— С тех пор как я уехал утром, прошло уже четыре часа, — напомнил Цинь Цзинь.

По его приглашению Ли Сянфу собрал вещи и сел в машину. По дороге он упомянул, что из-за отсутствия новых улик полиция вскоре закроет дело.

— Продолжать расследование не имеет особого смысла, — Цинь Цзинь повернулся к нему. — Мать Чэнь Жань уже иммигрировала. Если перевод был сделан через какой-нибудь надежный зарубежный банк, получить доказательства будет крайне сложно.

Ли Сянфу согласно кивнул. Он опустил стекло и, подперев подбородок рукой, принялся разглядывать мелькающие за окном пейзажи.

Намеренно выбрать семью в качестве уязвимого места для похищения... Он даже подозревал, что именно Цинь Цзяюй надоумила Чэнь Жань так поступить, желая проверить реакцию Ли Шаша.

Голос Цинь Цзиня вернул его к реальности:

— Где пообедаем: в отеле или поищем какой-нибудь ресторанчик?

Ли Сянфу немного подумал и ответил:

— В отеле.

Заодно можно будет подняться к себе и оставить мольберт.

В это время в ресторане было немногочисленно. Выбрав столик у окна, они сели. Ли Сянфу рассеянно листал меню.

— Запеченные креветки под сыром — их фирменное блюдо, — подсказал Цинь Цзинь.

— Тогда возьмем их, и еще две порции пасты.

Заметив его подавленное состояние, Цинь Цзинь добавил:

— Раз уж приехал на отдых, старайся меньше забивать голову всякой ерундой.

Ли Сянфу последовал совету и попытался ни о чем не думать, однако не прошло и секунды, как маска спокойствия слетела с его лица.

Увидев эту мгновенную смену эмоций, больше похожую на живой мем, Цинь Цзинь усмехнулся столь редкому зрелищу:

— Что опять не так?

— Мама.

Цинь Цзинь удивленно приподнял брови.

Ли Сянфу посмотрел ему за спину и, поднявшись, озадаченно спросил:

— Ты разве не собиралась улетать за границу?

— Билеты на конец месяца, — подошла к ним женщина с миндалевидными глазами. —

Услышала, что ты пострадал, вот и решила навестить.

Ли Сянфу на миг растерялся, не понимая, заботится она о нем или нет: пока он лежал в больнице, ее и след простыл, а стоило уехать на реабилитацию — явилась.

Тао Хуайсю остановилась и перевела взгляд на Цинь Цзиня:

— Действительно, все как и говорят: успешен в делах, да и внешне весьма недурен.

Возможно, из уважения к матери Ли Сянфу, Цинь Цзинь не выказал своей обычной мрачности. Его тон был вполне вежливым:

— Вы мне льстите.

В этот момент проходивший мимо официант, подавая блюда, едва не разлил суп. Он принялся рассыпаться в извинениях.

Ли Сянфу махнул рукой, показывая, что все в порядке.

Тао Хуайсю покосилась в сторону:

— Мольберт здесь немного мешает.

Ли Сянфу уступил ей свое место, решив сначала подняться наверх и оставить вещи. Перед уходом он спохватился:

— Ах да, лимонад на столе я не пил, он нетронутый.

Сладкий ледяной лимонад отлично утолял жажду. Тао Хуайсю без лишних церемоний сделала глоток и, дождавшись, пока Ли Сянфу зайдет в лифт, неторопливо поставила стакан.

— Буду краткой, — ее глаза с прищуром улыбнулись. — Какую выгоду ты можешь принести Сяо Фу?

Время было необычайно благосклонно к этой женщине — в уголках ее глаз едва виднелись тонкие морщинки.

Подход Тао Хуайсю разительно отличался от остальных. Она не пыталась помешать их встречам, как другие члены семьи Ли, и ее совершенно не волновали слухи об интригах или теориях заговора. Ее интересовала лишь чистая выгода.

— Утешение, — к ее удивлению, ответил Цинь Цзинь, дав весьма странный ответ. — Я единственный человек в этом мире, который понимает его.

Тао Хуайсю усмехнулась:

— У него есть родители, братья и сестры. С чего бы это тебе понимать его лучше всех?

— Он привык маскировать усталость улыбкой, предпочитает тишину и уединение шумным компаниям, иногда застывает на месте при виде чего-то синего, а к зиме питает врожденную слабость...

С каждым словом Цинь Цзиня улыбка в миндалевидных глазах Тао Хуайсю угасала.

Под конец лицо Цинь Цзиня сделалось бесстрастным:

— А вот прогуливал ли он уроки из-за нежелания учиться и были ли его опасные вылазки проявлением юношеского бунта — над этим, боюсь, в вашей семье никто никогда даже не задумывался.

Повисшее между ними молчание на мгновение стало гнетущим.

Спустя некоторое время с губ Тао Хуайсю сорвался тихий смешок.

Цинь Цзинь уловил тень эмоции в ее взгляде и с полуулыбкой произнес:

— Я вам глубоко неприятен.

— Кому понравится зеркало, обнажающее собственные недостатки? — ровным голосом ответила Тао Хуайсю. — Ты в очередной раз напомнил мне о моей материнской несостоятельности.

Немного помолчав, она спросила с потемневшим взглядом:

— А какую выгоду Сяо Фу приносит тебе?

Улыбка сошла с лица Цинь Цзиня. Он холодно посмотрел на нее:

— Точно так же он — единственный, кто понимает меня.

Разговор прервался. Неподалеку раздался негромкий звонок, двери лифта распахнулись, и к ним направился Ли Сянфу.

Тао Хуайсю поднялась с места, явно не собираясь оставаться на обед.

Ли Сянфу проводил ее до дверей.

— Что ты думаешь о Цинь Цзине? — перед самым уходом внезапно спросила Тао Хуайсю.

Ли Сянфу опешил и с легким вздохом ответил:

— Мы общаемся не так близко, мои знания о нем весьма поверхностны.

— Неважно, поделись мнением, — сказала она и добавила: — О том, что он расчетлив и мрачен, знают все, так что это можешь не повторять.

<http://bllate.org/book/18300/1757060>